

УДК 159.9.01

В.А. Мазилев**К РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТА***

Статья посвящена методологически важной проблеме. Актуальность работы состоит в том, что многими авторами проблема *факта* не осознается как методологическая. В популярном психологическом словаре *факт* определяется как результат наблюдения или эксперимента, не допускающий неоднозначного толкования, что противоречит широко известным ситуациям, в которых *факт* оценивается и интерпретируется по-разному, что не позволяет конструктивно решить проблему. В статье анализируется подход к проблеме *факта*, сложившийся в философии науки. Подробно описываются исследования А.Л. Никифорова, предложившего рассматривать *факт* как имеющий структуру. Этот подход перспективен, однако для психологии недостаточен. В статье утверждается, что для психологии необходим уровневый подход к трактовке факта. Такой подход может быть реализован, если проблему факта рассматривать в контексте методологической теории научного исследования. Намечается перспектива дальнейших исследований, направленная на поиски синтеза уровневого строения и структурного анализа *факта*.

Ключевые слова: методология, факт, психологическое исследование, когнитивная методология, философия науки, структура, уровень, предтеория.

Факт как методологическая проблема

Нам неоднократно приходилось писать о том, что в современной психологической науке явно недооценивается роль методологии. Казалось бы, это заключение ошибочно: ведь налицо интерес к методологии психологии, методологические идеи интенсивно обсуждаются на научных конференциях, издаются книги и статьи по методологическим вопросам и проблемам. Однако, по нашему мнению, в современной психологической литературе устойчиво недооценивается роль методологических аспектов психологического знания в целом. Попробуем показать это на примере проблемы *психологического факта*.

Термин *факт* активно используется в современной психологии, что абсолютно естественно, поскольку психология позиционирует себя как эмпирическая дисциплина. Не подлежит сомнению, что отношение к *фактам* на разных этапах развития науки существенно различалось.

Согласно известной периодизации М.С. Роговина, факты становятся значимыми только на этапе научной психологии: в до-научной психологии говорить о фактах можно лишь условно, а в философской психологии им не уделялось сколько-нибудь существенного внимания.

Научная психология заявила о себе как эмпирическая дисциплина, как «наука о фактах». Свою роль сыграл и позитивизм, для которого «факт» – одно из ключевых понятий. На авансцену научной психологии «факт» вышел в тех версиях науки, которые использовали субъективный метод. Вскоре обнаружилось, что для получения «настоящего» (то есть соответствующего ожиданиям исследователя) *факта* стихийного самонаблюдения недостаточно: необходимо выполнение особых процедур, позволяющих зафиксировать именно то, что необходимо. В школе В. Вундта, в Вюрцбургской школе, в Корнелле у Титченера использовались такие процедуры, которые позволяют вычленять аспекты опыта, полагаемые значимыми в данной школе.

Отметим принципиальное отличие: в направлениях, исповедующих объективный подход, проблеме *факта* традиционно отводили существенно меньшее внимание.

Сказанное важно для понимания того, почему в некоторых психологических направлениях проблема *факта* не привлекала пристального внимания исследователей. Для темы нашей статьи важно подчеркнуть, что в советской психологии эта проблема не была популярна, так как опосредствованный метод, основной тогда в психологическом исследовании, был объективным.

Если в психологии проблеме *факта* «не повезло», то в философских направлениях, в первую очередь продолжавших традиции позитивизма, она оказалась на основных ролях. Через логический позитивизм проблема «факта» в качестве предмета исследования попала в философию науки, где успешно и продуктивно разрабатывалась многими исследователями. В отечественной философии эта

* Работа выполнена при поддержке РГНФ грант 15-06-10716.

проблема была в значительной степени «вытеснена» из исследовательского пространства категориями «явления» и «сущности», соотношением эмпирического и теоретического уровней познания.

Итак, обратимся к психологии и попробуем выяснить, в чем именно состоит проблема факта. Обратимся к популярному «Большому психологическому словарю», где сообщается, что факт «в обыденном смысле синоним понятия “истина”, т. е. знание, достоверность которого несомненна, в более узком смысле – результат наблюдения (в том числе измерения) и эксперимента, не допускающий нескольких толкований» [1. С. 586].

Здесь и возникают многочисленные вопросы: действительно ли факт в психологии столь однозначен, что не допускает «нескольких толкований»? Как быть, если один факт разными психологами оценивается по-разному: кто-то считает нечто очевидным фактом, а другой по этому поводу имеет иное мнение?

Есть основания поставить и обсудить проблему факта как методологическую проблему современной психологии. Попробуем это сделать.

Традиционно психология характеризуется многообразием подходов к изучению того или иного явления, обилием различающихся теорий, концепций, трактовок. Определения одного и того же понятия исчисляются десятками. Так что трудно удивить психологию проблемами. Можно даже утверждать, что это одна из самых «проблемных» наук: нерешенных вопросов в ней гораздо больше, чем найденных ответов. Так, Б.Ф. Ломов отмечал: «Многообразие проблем, огромный фактический материал, накопленный в психологической науке, задачи, которые ставятся перед ней общественной практикой, настоятельно требуют дальнейшей разработки ее методологических основ» [4. С. 3].

Попробуем же, разумеется, условно, выделить классы психологических проблем. Представляется, целесообразно осуществлять это в соответствии с видами психологического знания. М.С. Роговин и Г.В. Залевский выделяют три вида психологического знания: первый – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях (это – «предметное знание»); второй – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике (это – «знание методологическое»); третий – «знание историческое», отражающее закономерную последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе [13. С. 8]. Такое членение представляется удобным. В *предметном* знании условно можно выделить уровень феноменологии и уровень теории. Тогда психологические проблемы могут быть отнесены к одному из следующих классов: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические.

Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, с эмпирическими явлениями. В психологии это явления психические, такие, как память, мышление, восприятие др. Хотя на первый взгляд кажется, что этот феноменологический уровень относительно самостоятелен, но это не так. Психика изначально целостна, поэтому выделение в ней или иных явлений определяется теоретически и методологически. Номенклатура психических явлений определяется исходя из теории, в действительности же это серьезная методологическая проблема. В психологии известны случаи, когда те или иные авторы утверждали, что внимания или воображения, к примеру, не существует. Это, конечно, не заставляло этих авторов доказывать, будто не существует сосредоточения на некоторых объектах или создания новых образов. Данные феномены существуют, наблюдаются и описываются, но объясняются совершенно по-иному. Авторы «революционных» концепций в психологии утверждали, что феномены имеют другую природу: сосредоточение – не внимание, а особенности восприятия (Э. Рубин), создание новых образов – функция не воображения, а мышления (А.В. Брушлинский). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что феноменологический и теоретический уровни неразрывно связаны.

Не случайно многие авторы предпочитают их не дифференцировать и говорят о предметном знании. Осознавая условность и произвольность такого разделения, мы будем говорить о феноменологическом и теоретическом уровнях и, соответственно, о наличии феноменологических и теоретических проблем. Феноменологический уровень важен тем, что в нем реально определяются потенциальные *пространства психической реальности*. Поясним это. В экспериментах С. Грофа (с использованием ЛСД, а позднее и других техник) наблюдались феномены измененных состояний сознания, трансперсональные феномены, феномены систем конденсированного опыта (СКО) и т. п. Эти феномены представляют бесспорную психическую реальность. Согласно взглядам некоторых психологов,

эти феномены достойны изучения и могут быть разработаны теории, объясняющие эти феномены. По мнению других, этих феноменов как бы не существует вовсе: они представляют собой артефакт или откровенное жульничество, поэтому вопрос об их специальном изучении даже не ставится. Таким образом, мы можем констатировать, что в представлении разных исследователей диапазоны пространств психической реальности не совпадают. Кто-то включает парапсихологические феномены в проблемное поле психологии, кто-то нет. Естественно, то или иное решение определяется теоретическим осмыслением. Итак, феноменологические проблемы проявляются в определении пространств психической реальности, в ее расчленении на отдельные явления.

Теоретический уровень связан с объяснением психических феноменов. На этом уровне психическое становится психологическим. В психологии эти проблемы очевидны. Существуют различные теории, объясняющие один феномен. Например, избирательный характер мышления в ходе решения задачи может объясняться влиянием ассоциаций, апперцепции, детерминирующих тенденций, антиципаций и т. д. Известны десятки теорий восприятия, личности, эмоций и т. п. Не станем здесь на этом останавливаться, так как многообразие психологических теорий хорошо известно (причем не понаслышке) каждому психологу-первокурснику. Теоретические проблемы в психологии наиболее многочисленны. Неразрывно связанные феноменологический и теоретический уровни составляют предметное психологическое знание. Два первых уровня связаны с двумя классами проблем: феноменологическими и теоретическими.

Но эти два уровня (тоже неразрывно) связаны с методологическим, и связь между ними такова, что методологический уровень в значительной степени – определяющий по отношению и к феноменологическому, и к теоретическому. Именно методология раскрывает, как будет пониматься и трактоваться предмет психологии (а значит, *реально* определяет диапазон пространств психической реальности); ею определяются возможности изучения того или иного явления, а также метод, каким будет исследоваться психическое; наконец, она утверждает приемлемые в науке в данный момент способы объяснения. Известно, что в психологии существуют разные трактовки предмета науки, разные взгляды на методы, так что методологические проблемы – это наиболее существенные, наиболее глубокие.

Наконец, четвертый класс проблем – историко-психологические, возникающие в историческом знании. Как уже отмечалось, историко-психологическое знание отражает закономерную последовательность развития знания – и предметного, и методологического. М.С. Роговин и Г.В. Залевский отмечали, что в «знании историческом проявляется куда более широкий принцип научного познания реальности: подход к ней как развивающейся во времени; при историческом подходе в последовательности его типов косвенно отражается углубление предметного и методологического знания...» [13. С. 10]. Эти проблемы также многочисленны. Обратим внимание на то, что многие из них носят неявный характер.

Между выделенными классами проблем в психологии существуют особые отношения. Методология – эта «сердцевина» психологического знания вообще, поскольку, в конечном счете, именно она определяет существенные характеристики «предметного» знания (и феноменологию, и теорию) и «истории» (того, как она будет интерпретироваться).

До сих пор мы не упоминали термин «факт». Где же его место на рассмотренной выше схеме? Как можно видеть, психологический факт возникает при взаимодействии феноменологии и теории: *феномен, осмысленный как психическое явление, становится психологическим фактом.*

Обратимся к примеру. Давно известно каждому специалисту, занимавшемуся дрессировкой животных, что со временем они становятся способными реагировать и на такие раздражители, которые лишь ассоциативно связаны с определенной реакцией организма. По сути, это условный рефлекс. Как известно из истории психологии, феномен условного рефлекса открывался неоднократно. Потребовался гений И.П. Павлова (заметившего то, что слюна начинает выделяться до кормления при виде служащего, который обычно приносит еду), Е.Б. Твитмайера (обратившего внимание на то, что подопытные при исследовании коленного рефлекса начинают реагировать на раздражители, отличающиеся от исходного, – удара молоточком), В.М. Бехтерева (который «обнаружил, что рефлекторные движения – например, отдергивание пальца от предметов, грозящих ударом электрического тока, – могут возникать не только под воздействием безусловных раздражителей (например, удара электрического тока), но и под воздействием стимулов, которые сочетаются с исходным, – так, звук зуммера, звучащего во время удара электрического тока, вскоре заставляет испытуемого отдергивать палец» [14. С. 268], чтобы феномен воплотился в научный факт – условный рефлекс (Павлов), особый рефлекс (Твитмайер), сочетательный рефлекс (Бехтерев)...

Актуальность данной проблемы состоит в том, что психология относится к дисциплинам, имеющим эмпирическую фактологическую основу. По точному выражению И.П.Павлова, факты – это воздух ученого. Общепринятая в настоящее время в психологии точка зрения, согласно которой *факт* есть нечто простое, не допускающее «нескольких истолкований», существенно препятствует развитию психологической науки и практики.

На уровне *эмпирическом* затрудняется формирование фактологической основы науки, лишая возможности дополнительного анализа научного психологического *факта* как сложного явления, имеющего свою психологическую структуру, а тем самым делая невозможной разработку стандарта для описания факта в психологии. Так, на уровне *теоретическом* не может быть адекватно представлено соотношение эмпирического и теоретического в психологическом познании. На уровне *методологическом* отсутствие разработок по проблеме *факта* не позволяет создать целостное современное представление о структуре психологического исследования, поскольку именно *факт* как сложное явление и есть то ядро, которое обеспечивает единство структуры психологического исследования.

Решение проблемы психологического факта, выявление его структуры, понимание детерминации позволят принципиально решить ряд важнейших вопросов: а) повысить соотносимость психологических фактов; б) понять, почему одни и те же факты существенно по-разному трактуются и оцениваются различными исследователями; в) способствовать улучшению взаимопонимания между исследователями, в том числе и представителями различных школ; г) способствовать разработке моделей современного исследовательского процесса в области психологии; д) внести значимый вклад в проблему интеграции психологического знания; е) внести ясность в понимание многочисленных эпизодов из истории психологии, когда одни и те же факты получали у исследователей совершенно различные описание и интерпретацию.

Выше мы останавливались на анализе того, почему проблеме *факта* «не повезло» в психологии, особенно в отечественной, однако, это не означает, что проблема совершенно не исследовалась.

Проблема факта в зеркале философии, психологии и философии науки

Во избежание недоразумений подчеркнем, что многими авторами, особенно рассматривавшими процесс познания и научного исследования вопросы факта затрагивались, хотя он и не был для них предметом специального изучения. Среди исследователей назовем Г.И. Челпанова, Н.Н. Ланге, М.Я. Басова, Л.С. Выготского, В.Н. Ивановского, С.Л. Рубинштейна, К.Н. Корнилова, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева и др.

Важные аспекты проблемы факта в психологии раскрываются в работах А.В. Юревича; интересны методологические исследования В.М. Аллахвердова, Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова, методологические работы Ф.Е. Василюка, И.Н. Карицкого и др. В работах К.А. Абульхановой, А.Ю. Агафонова, В.Г. Асеева, А.Г. Асмолова, В.А. Барабанщикова, Ф.Е. Василюка и др. нашли решение многие важные методологические проблемы психологии, в частности, связанные с проблемой факта в психологической науке. Важные вопросы методологии психологии, имеющие отношение к проблеме факта, обсуждаются в работах И.В. Вачкова, А.О. Прохорова, Е.В. Левченко, А.А. Пископпеля и др.

Подчеркнем: в современной психологии отсутствуют *специальные* исследования, посвященные факту в психологии, так что этот момент следует акцентировать, поскольку оказывается, что структура психологического факта, отражающая специфику психологического исследования, до сих пор по сути не раскрыта и не изучена.

Это касается и зарубежных работ, посвященных методологии психологического исследования, в которых затрагивается проблема факта (Ж. Пиаже, Ф. МакГиган, Р. Кирк, Р. Готтсданкер, Р. Плутчек, др.), посвященных проблемам объяснения (*Fodor*, 1968; *Swart*, 1985; *Cammins*, 1983; *Brown*, 1963 и др.) и философии психологии (М. Bunge, R. Argila, 1987, J. Bermudez, 2008 и др.), однако в доступной нам литературе обнаружить специальные исследования, посвященные анализу строения психологического *факта*, нам не удалось.

Психологическая специфика, естественно, не раскрывается и в философских исследованиях проблемы *факта*. Специальные философские работы, посвященные ей, существуют и представляют для психологии значительный интерес (в первую очередь, в плане установления общей архитектоники факта). Назовем таких исследователей, как В.А. Штофф, Л.С. Мерзон, В.С. Швырев, В.М. Капустян, С.Ф. Мартынович и др.

Конечно, нельзя не назвать имена зарубежных философов науки: Л. Витгенштейна, Б. Рассела, Р. Карнапа, Л. Флека, Т. Куна, П. Фейерабенда, Э. Пикеринга и др.

И все-таки нет правил без исключения. Выше уже говорилось о том, что психологам не свойственно задумываться и заниматься разработкой проблем методологии факта. В целом это так, но всегда найдутся исключения и причины, которые объясняют эти исключения. Выделим работу психологов И.И. Ивановой и В.Г. Асеева [2], посвященную методологии и методам психологического исследования, в которой авторы не прошли мимо проблемы факта.

Исследователи справедливо отмечают: «Прежде всего встает важный методологический вопрос об определении и внутреннего содержания, и структуры психологического факта, как основной единицы первичного эмпирического и научного материала, о его месте и роли в психологическом исследовании» [2. С. 220]. И.И. Иванова и В.Г. Асеев обращают внимание на важную деталь, осложняющую разработку проблемы: «С одной стороны, под эмпирическим фактом имеется в виду отдельное явление действительности, получившее адекватное отражение в познании. В этом наиболее широком смысле факт служит элементарно необходимым компонентом, основой научного исследования. Вместе с тем и именно поэтому факт в этом смысле является лишь сырым материалом, который еще должен быть подвергнут дальнейшей обработке: анализу, изучению, интерпретации, поскольку наука не призвана регистрировать единичные, уникальные явления, а изучает устойчивые, повторяющиеся, предвидимые связи и закономерности. С другой стороны, под фактом подразумевают всякую достоверно установленную связь, зависимость, закономерность. В этом втором смысле он выступает уже как полноценный продукт научного исследования, достигнутый результат, осуществленная, хотя и частная цель науки» (Там же). Совершенно справедливо обращено внимание на то, что двойственное понимание факта оказывается иногда источником серьезных недоразумений, путаницы. Поэтому необходимо различать факт эмпирический и факт научный: «Роль эмпирического факта как исходного материала нередко смешивается с ролью и значением факта научного, с результатом исследовательского процесса. Безусловная ценность и огромное значение результата научного исследования неправомерно переносятся на эмпирический факт, который ставится в один ряд с научным, переоценивается, абсолютизируется» (Там же). Основное различие авторы видят в следующем: если научный факт обыкновенно дает знание о наличии устойчивой детерминационной связи, дает возможность в определенных пределах предвидеть реальные явления, открывать закономерности их возникновения и развития, то в эмпирическом факте реально действующие закономерности проявляются далеко не однозначно: «Ввиду высокого уровня интеграции психических процессов отдельный эмпирический факт получает свое действительное место, свой психологический смысл и значение только в зависимости от уровня и характера интеграции психических явлений. Один и тот же поступок может быть совершен как под влиянием импульсивного мотива, так и в результате сознательного решения. Эмпирический факт в связи с этим не имеет однозначного смысла, значения, механизма и оказывается психологически многозначным» (Там же). Характеризуя эмпирический факт, авторы отмечают: «Он представляет собой внешнее воплощение целого ряда закономерностей самых разных уровней регуляции психики, от сознания до автоматических, неосознаваемых процессов. В эмпирическом психологическом факте заключены не элементарно простые, естественно выделенные, изолированные, “чистые” факторы, связи, зависимости. В нем фиксируется сплав огромного качественного богатства психологических механизмов, стоящих за внешним проявлением. Психологический факт исключительно сложен по своим внутренним механизмам, по своему психологическому смыслу, по своей детерминации. Многозначность, многоплановость эмпирического факта в психологии (действия, поступка и т. д., зарегистрированных в наблюдении, тесте, самонаблюдении) связана не только со сложностью строения психики как системы вообще» [2. С. 221].

Другая концепция, где подробно анализируется проблема факта в психологии, причем именно в методологическом контексте, изложена в известной работе А.В. Юревича [15]. Как справедливо отмечает автор, «Одной из особенностей современного состояния психологической науки в России служит сочетание, с одной стороны, высокой востребованности психологического знания и самих его носителей – психологов, с другой – ослабление попыток внести порядок в это знание и явное пренебрежение к методологическим вопросам» [15. С. 15]. В исследовании А.В. Юревича решается фундаментальная задача: выявить строение психологического знания, в котором определенное место занимают и собственно факты.

К числу структурных элементов психологического знания А.В. Юревич относит:

1. Базовые «идеологии» и сопряженные с ними системы методологических принципов;
2. Категории;
3. Теории;
4. Законы;
5. Обобщения;
6. Объяснения и интерпретации;
7. Прогнозы и предсказания;
8. Факты и феномены;
9. Знание контекста (установления фактов и проявления феноменов);
10. Эмпирически выявленные корреляции между феноменами;
11. Описания;
12. Методики;
13. Технологии;
14. Знания, ассимилированные психологией из смежных наук [15. С. 16-17].

А.В. Юревич характеризует роль фактов в структуре психологического знания: «Психологические факты и феномены обычно рассматриваются как одна из главных “единиц” эмпирического знания психологии. От других видов эмпирического опыта они отличаются относительно устойчивым характером: к фактам и феноменам обычно относят явления, которые обладают достаточной воспроизводимостью и проявляются более или менее постоянно – по крайней мере, при определенных обстоятельствах. Кроме того, к ним принято причислять не любые относительно стабильные психологические явления, а явления, достаточно существенные для психологической науки, выражающие какие-либо психологические закономерности» [15. С. 26-27]. «Важное свойство психологических фактов и феноменов состоит в том, что они, хотя и имеют аналоги в обыденном опыте, как правило бывают зафиксированы в специально организованных условиях психологического исследования» [15. С. 27]. Справедливо замечание, согласно которому «Психологические факты и феномены как вид психологического знания органически дополняются такой его разновидностью, как знание контекста установления этих фактов и феноменов, а также условий их проявления» [15. С. 28]. А.В. Юревич отмечает, что в постмодернистской методологии научного познания прочно утвердились представления о том, что факты всегда «теоретически нагружены», и обретают смысл только в рамках определенной интерпретативной структуры, которая задается теориями, парадигмами, исследовательскими программами, исследовательскими традициями и т. п. Согласно Юревичу, «ощущение эфемерности фактов наиболее характерно для социогуманитарных наук, таких как психология, где оно оказалось обостренным постмодернистской методологией» [15. С. 88].

Чрезвычайно ценна типология психологов, предложенная Юревичем: «По критерию отношения к фактам представителей психологического сообщества можно разделить на три категории. Для одних, и таких подавляющее большинство, гносеологический статус фактов попросту безразличен. Они делают то, что привыкли делать, невзирая на бурные события в философской методологии науки, в частности на распространение постмодернистской методологии. Другие охотно подхватили постмодернистские представления, не без удовольствия, явившегося естественной реакцией на долгие годы господства позитивизма и упрощенных представлений о науке, акцентируя релятивность фактов, их зависимость от теорий и т.п. Третьи, напротив, агрессивно отреагировали на распространение подобных настроений и проявили озабоченность, сопоставимую с той, которая была вызвана формулой “материя исчезает”, стремятся восстановить незыблемость фактов и в качестве таковых, и как конечного критерия истины» [15. С. 88]. «Первая позиция, очевидно, в комментариях не нуждается. Что же касается двух других, то при всех их полярных различиях их объединяет недифференцированное отношение к фактам как однотипному и гомогенному виду опыта. Как пишет А.Л. Никифоров, “большинство современных эпистемологов неявно исходит из ‘одномерного’ понимания фактов, т. е. истолковывает факт как нечто простое, как реальное положение дел, чувственный образ, предложение. При такой трактовке факт всегда принадлежит некоторой одной плоскости – языковой, перцептивной или физической”... Однако факты неоднородны, в том многообразии эмпирического опыта, который ученые вообще и психологи, в частности, привыкли именовать фактами, можно выделить существенно различающиеся между собой составляющие» [15. С. 88]. Важно, что в работе А.В. Юревича предложен способ упорядочения фактов: «...разнообразие можно упорядочить, выстроив факты, устанавливаемые психологической наукой в рамках системы как минимум пяти шкал,

выражающих степень: 1) “жесткости” фактов; 2) их воспроизводимости; 3) контекстуальной завышенности; 4) теоретической нагруженности; 5) социализации» [15. С. 89]. Представляется, что это очень перспективная идея.

Исследования факта: на пути к разработке концепции

Возникает вопрос, что препятствует новому пониманию факта? Основное препятствие, на наш взгляд, состоит в том, что психологический факт рассматривается сам по себе, тогда как он должен трактоваться и интерпретироваться в контексте методологии психологии, то есть в рамках методологической концепции психологического исследования. Будучи включенным в методологическо-психологический контекст, факт проявит реальную сложность своего строения и позволит обратиться к выявлению его детерминации.

В наших работах конца 1990-х гг. было показано, что методология имеет конкретно-исторический характер и в идеале должна отвечать на вопросы и реагировать на проблемы, которые возникают внутри предметного поля науки. Иногда методологические изыскания опережают потребности науки, иногда запаздывают. В настоящее время на первый план выступает разработка общей методологии психологии. Подчеркнем: это не попытка создать общую теорию. Мы разделяем мнение Юнга, согласно которому время общих теорий в психологии еще не пришло [7].

Дело в том, что резерв, который состоял в разработке отдельных изолированных методологических проблем (хотя и, несомненно, важнейших для психологии), к настоящему моменту практически исчерпан. Сегодня актуальна разработка проблем в комплексе, что ставит задачу разработать общую методологию психологии, в которой отдельные методологические категории были бы соотнесены в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотнесении видится новый резерв методологических исследований и разработок [8].

Представляется, что когнитивная методология, отвечающая задачам сегодняшнего дня, должна иметь уровневое строение, отражающее не только разнородность самого психологического содержания, но и принципиально различающиеся способы и методы работы на разных уровнях [6].

В когнитивной методологии можно выделить по крайней мере три уровня. Подчеркнем, что разные уровни не только связаны с различным содержанием, но и характеризуются различными средствами их разработки. Отметим, что философский уровень проработан пока в меньшей степени, чем два других. (Чтобы избежать недоразумений, скажем, что в данной статье речь идет только о когнитивной методологии. Других разделов: коммуникативной, методологии психологической практики, социальной методологии (А.В. Юревич) – мы в настоящей статье не касаемся).

Исследование, спланированное нами, основывается на концепции когнитивной методологии, представляющей собой второй уровень общей методологии. Это – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории, факта и т. д. в их взаимосвязи, вне учета которой, на наш взгляд, не может быть существенного дальнейшего продвижения в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Таковую методологию можно назвать интегративной когнитивной методологией психологической науки.

Обратимся к когнитивной методологии.

Сформулируем суть нашего подхода. К исследованию любого феномена в области психологии существуют различные подходы. Традиционно они рассматриваются как несопоставимые, поэтому в лучшем случае речь идет о сосуществовании подходов. Мы полагаем, что при использовании специального методологического аппарата могут быть найдены дополнительные «точки соприкосновения» и «несопоставимые» концепции окажутся сопоставимыми в значительно большей степени, чем это обычно представляется [5, 7, 8].

Задача, на наш взгляд, выполняемая, основой для сопоставления является общая схема психологического исследования. Эта схема включает в себя следующие структурные компоненты: проблему, предмет психологии, опредмеченную проблему, предтеорию, метод (включающий три уровня: идеологический, предметный и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру) и теорию как результат исследования.

Подчеркнем, что данная схема исследования «замкнутая», то есть теория является основанием для постановки новой проблемы. Таким образом, инструментом сопоставления и соотнесения различных психологических концепций выступает общая когнитивная методология. Мы разделяем следующую позицию: 1) разработка общей методологии возможна, так как может быть разработана уни-

версальная модель, позволяющая свести, интегрировать в «общем исследовательском пространстве» важнейшие методологические категории; 2) использование подобного рода интегративной модели позволяет учесть наработки ведущих отечественных и зарубежных методологов, что позволяет сделать разработанная нами ранее соотносительная модель (коммуникативная методология).

Общая методология психологии – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории, факта и т. д. в их взаимосвязи.

Обратимся к проблеме психологического факта в контексте концепции общей (интегративной) методологии психологии.

Казалось бы, здесь все просто: в исследовании добываются эмпирические данные, которые подлежат интерпретации. Заметим, что философия науки, в отличие от методологии психологии, уделяет этим вопросам достойное внимание. Как предупреждал еще Кант, «разум видит только то, что сам создает по собственному плану» [3. С. 85]. Поэтому полученные эмпирические данные рассматриваются исследователем обычно «сквозь призму» предтеории (см. ниже). Фактически они уже «прединтерпретированы», что обычно не осознается самим ученым. Этот момент специально подчеркнем.

Не имея возможности дать общую характеристику концепции (ввиду ограниченности объема публикации), остановимся чуть подробнее на разработке методологической концепции факта (поскольку в современной психологии этой методологической проблеме внимание практически не уделяется). Если психологическая наука пренебрегает данной проблемой (можно предположить, что ввиду кажущейся простоты), то философия науки обоснованно считает ее одной из важнейших.

«Факт – от *лат.* *factum* – сделанное, совершившееся) – 1) синоним понятий истина, событие, результат; нечто реальное в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего; 2) в философии науки – особого рода предложения, фиксирующие эмпирическое знание. Как форма эмпирического знания факт противопоставляется теории или гипотезе» [10. С. 157]. Нас, понятно, будет интересовать факт во втором значении.

В понимании природы факта в современной философии науки выделяются две основные тенденции: фактуализм и теоретизм, – как одна из форм проявления старой дилеммы эмпиризм – рационализм. Если первая подчеркивает независимость и автономность фактов по отношению к различным теориям, то вторая утверждает их полную зависимость от теории, так что при смене теорий происходит изменение всего фактуального базиса науки [10. С. 157-158]. А.Л. Никифоров справедливо отмечает: «В настоящее время всё шире распространяется убеждение в том, что неверно как абсолютное противопоставление фактов теории, так и полное их растворение в теории. Факт является результатом активного взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает сложной структурой, одни элементы которого детерминируются теорией (и, следовательно, зависят от нее), а другие – особенностями познаваемого объекта. Зависимость от теории выражается в том, что теория формирует концептуальную основу фактов: выделяет изучаемый аспект реальности, задает язык, на котором описываются факты, детерминирует средства и методы экспериментального исследования. В то же время полученные в результате эксперимента или наблюдения данные определяются свойствами изучаемых объектов. Они заполняют содержанием концептуальную схему. Таким образом, научный факт, обладая теоретической нагруженностью, в то же время сохраняет автономность по отношению к теории, ибо его содержание не зависит от теории. Именно благодаря этой относительной независимости факты способны противоречить теории и стимулировать развитие научного познания» [10. С. 158]. В другой работе А.Л. Никифоров развивает новое представление о научном факте как о некотором сложном целом, состоящем из нескольких элементов, связанных определенными отношениями: можно констатировать, что научный факт включает в себя три компонента: лингвистический, перцептивный и материально-практический, каждый из которых в равной мере необходим для существования факта» [11. С. 75-76]. «Три компонента факта теснейшим образом связаны между собой, и их разделение приводит к разрушению факта» [11. С. 76]. А.Л. Никифоров дает достаточно подробную характеристику компонентам факта. «Всякий факт, прежде всего, связан с некоторым предложением... Будем называть это предложение лингвистическим компонентом факта. Лингвистический компонент, очевидно, необходим, так как без него мы вообще не могли бы говорить о чем-то как о факте» [11. С. 73]. «Вторым компонентом научного факта является перцептивный компонент. Под этим я подразумеваю определенный чувственный образ или совокупность чувственных образов, включенных в процесс установления факта. Перцептивный компонент также необходим. Это обусловлено тем обстоятельством, что всякий естественнонаучный факт устанавливается путем обращения к реальным вещам и практическим действиям с этими вещами. Контакт же с внешним миром осуществляет-

ся только через посредство органов чувств. Поэтому установление всякого научного факта неизбежно связано с чувственным восприятием и перцептивная сторона в той или иной мере необходимо присутствует в каждом факте (Там же). «Не столь очевидно наличие в факте третьего, не менее важного компонента – материально-практического. Под “материально-практическим компонентом” факта мы имеем в виду совокупность приборов и инструментов, а также совокупность практических действий с этими приборами, навыки, умения, используемые при установлении факта» [11. С. 74].

Представляется важным выделение и описание структуры научного факта в работах А.Л. Никифорова. Для психологии, возможно, более важно то, что *факт* (по крайней мере, факт психологический, но, представляется, что данная характеристика достаточно универсальна) имеет не только «горизонтальное», но и «вертикальное» строение. Иными словами, психологический факт имеет и уровневое строение.

Не имея возможности в рамках настоящего текста дать развернутый анализ, напомним только характеристику предтеории, как чрезвычайно важной для понимания психологической структуры факта. Предтеория представляет собой комплекс исходных представлений ученого как основы для проведения эмпирического (и даже теоретического) психологического исследования. Предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т. п.). Может быть описана ее структура: проблема, «опредмеченная» проблема, базовая категория, моделирующее представление, идея метода, объясняющая категория, способ (вид) объяснения [6].

Вернемся к проблеме факта. В его структуре могут быть выделены следующие уровни: идеологический, предметный, процедурный. Идеологический – связан с трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный, соответственно, – с базовой категорией и моделирующими представлениями. Не останавливаясь на анализе уровней научного факта, сделаем лишь одно замечание, важное для истории психологии. Скажем, возьмем классическое исследование М. Вертгеймером «фи»-феномена. Иногда замечают, что стробоскопический эффект был известен до того, факт не был новым. Это правильно, но лишь по отношению к процедурному уровню. Ценность данного научного факта – в идеологическом и предметном уровнях: на предметном была доказана целостность гештальта («видимого движения»); на идеологическом – Вертгеймер показал наличие феноменального поля. Поэтому уровневая трактовка факта, на наш взгляд, открывает новые перспективы в намеченном направлении.

Интеграция структурного и уровневого подходов к анализу *факта* возможна, но представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу (которой здесь мы касаться не будем). Отметим, что такая трактовка факта позволяет по-новому решить ряд традиционных психологических проблем и объяснить известные, почему разными учеными одни и те же факты воспринимались и оценивались принципиально по-разному. С нашей позиции, ответ очевиден: факты оказались по-разному теоретически нагруженными, так как оценивались с позиции разных предтеорий. Итак, предварительный анализ проблемы *факта* свидетельствует, что психологический конструкт «факт» нуждается в специальной методологической проработке.

Этот момент представляется нам ключевым для организации дальнейшего исследования. Поскольку для понимания *факта* столь важна соответствующая предтеория, важно понять, как происходит эта интерпретация. Итак, неизбежно актуальным становится исследование более общей структуры, в которую включены разного рода предтеории, имеющиеся в наличии у того или иного субъекта. В этом случае логично говорить о профессиональном сознании, в котором должны быть представлены такого рода структуры. Поскольку названные нами структуры исследованы чрезвычайно слабо, можно сказать, вообще не исследованы, то мы сталкиваемся с одной из острейших проблем психологии. Действительно, психологами исследованы различные виды профессиональной деятельности, в частности, выявлена их информационная основа. Но кто может утверждать, что то же самое можно сказать о деятельности самого психолога? Похоже, это очередной случай, когда сапожник оказывается без сапог.

Конечно, изучение профессионального сознания связано с большими проблемами, не будем их сейчас обсуждать. Более конструктивно рассматривать эти проблемы в другом контексте. Речь идет о понятии внутреннего мира человека, а применительно к нашей проблематике – о внутреннем мире психолога. Таким образом, ставится задача исследования внутреннего мира психолога-профессионала. Осознавая сложность предстоящей задачи, тем не менее, приступаем к эмпирическим исследованиям структуры этого мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Еникеев Б.Н. Факт // Большой психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова. СПб, 2008.
2. Иванова И.И., Асеев В.Г. Методология и методы психологического исследования // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 218-245.
3. Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
4. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
5. Мазиллов В.А. Научная психология: проблема метода // Тр. Ярославск. методолог. семинара. Т. 2: Метод психологии / под ред. В.В. Новикова (гл. ред), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005. С. 248-279.
6. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
7. Мазиллов В.А. Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославск. педагогич. вестник. Научный журнал. 2013. № 3, Т. 2 (психолого-педагогические науки). С. 186-194.
8. Мазиллов В.А. Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестн. Костромск. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. Т. 19, № 4. С. 28-32.
9. Мазиллов В.А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, № 1. С. 61-85.
10. Никифоров А.Л. Факт // Новая философская энцикл. Т. 4. М., 2010. С. 157-158
11. Никифоров А.Л. Философия и история науки. М.: Идея-Пресс, 2008. 264 с.
12. Петренко, В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
13. Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988. 236 с.
14. Шульц Д., Шульц С. История современной психологии. СПб: Евразия, 2002. 532 с.
15. Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: ИПРАН, 2010

Поступила в редакцию 05.10.15

V.A. Mazilov

ON THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF A PSYCHOLOGICAL FACT

The article is devoted to a methodologically important issue. A special relevance of this work is that many authors do not recognize the problem of a *fact* as a methodological problem. In the popular psychological dictionary the word *fact* is generally defined as the result of observation or experiment that does not allow equivocation. This contradicts widely known situations where the *fact* is evaluated and interpreted in different ways. This approach does not allow to solve the problem. The article examines the approach to the problem of a *fact* that has developed in the philosophy of science. There is a detailed discussion of A.L. Nikiforov's research, who offered to consider a *fact* as having a structure. This is a promising approach, but it is insufficient for psychology. The article states that for psychology one should use a tiered approach to interpret a fact. A tiered approach can be implemented, if we address the problem in the context of the methodological theory of scientific research. The author of the article talks about the perspectives of further investigation aimed at searching for the synthesis of tiered nature and structural analysis of a *fact*.

Keywords: methodology, fact, psychological research, cognitive methodology, philosophy of science, structure, level, pre-theory.

Мазиллов Владимир Александрович,
доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и социальной психологии
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского»
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108
E-mail: v.mazilov@yspu.ru

Mazilov V.A.,
Doctor of Psychology, Professor,
Head of Department of General and Social Psychology
Yaroslavl State Pedagogical University
Respublikanskaya st., 108, Yaroslavl, Russia, 150000
E-mail: v.mazilov@yspu.ru